

— Дедушка, я вернулся, — позвал Ли Чанъгэ.

Стоило ему войти, как в нос ударил аромат еды. Хай Дафу сидел за столом, ожидая его.

— Сяо Гуйцзы, как прошел день?

Ли Чанъгэ весело отозвался:

— Выиграл сегодня больше двухсот лянов серебра, всё одолжил братьям Вэнь.

Услышав это, морщины на лице Хай Дафу разгладились, и он похвалил:

— Сяо Гуйцзы, ты всё сделал правильно. Сегодня ты утомился, садись скорее ужинать.

Лицо Ли Чанъгэ окаменело. Про себя он выругался: Старый хрыч.

— Слушаюсь, дедушка, сейчас наложу вам еды.

Ли Чанъгэ отвернулся, наполнил две миски рисом, одну поставил перед Хай Дафу, а другую взял себе.

Хай Дафу распорядился:

— Впредь каждый день ходи играть с братьями Вэнь. Если они проиграют — одалживай им деньги, чем больше, тем лучше. Через несколько дней найди предлог, чтобы они провели тебя в Верхнюю канцелярию. Раз они задолжали, то не посмеют отказать. Если начнут юлить, скажи, что я лично приду разбираться к управляющему Верхней канцелярии, господину У. Как только они поймут, что не могут вернуть долг, то сами тебя отведут. Если братья Вэнь спросят, зачем тебе в Верхнюю канцелярию, ответь, что человек тянется к лучшему, и ты просто хочешь хоть одним глазком взглянуть на лик императора.

Хай Дафу сделал паузу, а затем продолжил:

— Те, кто служит в Верхней канцелярии, не дураки. Братья Вэнь поведут тебя туда, когда императора там точно не будет. В этот момент ты должен найти способ украсть оттуда сутру.

Вдруг голос Хай Дафу стал выше, хриплым и вкрадчивым, отчего по спине пробежал холодок:

— Ты понял?

— Да-да, найду возможность пробраться в Верхнюю канцелярию и украсть сутру, — невнятно ответил Ли Чанъгэ.

Хай Дафу прекрасно понимал, что этот самозванец не знает, какую именно книгу нужно украсть, и решил намекнуть:

— Какую книгу?

Ли Чанъгэ едва не выпалил Сутра сорока двух глав, но вовремя спохватился и проглотил слова:

— Гм... после того как мне проломили голову, многое вспоминается с трудом, всё как в тумане.

Хай Дафу постучал пальцами по столу:

— Повторяю еще раз, запомни: эта сутра — буддийский канон под названием Сутра сорока двух глав.

— Да-да, дедушка, я запомнил. Обязательно достану для вас эту сутру, — пообещал Ли Чанъгэ.

Ничего не попишешь, обстоятельства сильнее его. Он — тонкая веточка, не способная переломить толстое бревно. Риск есть, но прямой угрозы жизни пока нет. Однако нельзя безоговорочно доверять воспоминаниям о сюжете: в конце концов, это реальный мир, и одна ошибка может стоить головы. Нужно быть осторожнее.

— Ну, Сяо Гуйцзы, выпей этот суп, — Хай Дафу поднял миску и поднес к губам Ли Чанъгэ. Его голос звучал мягко, но в нем чувствовалась жесткость.

При виде миски Ли Чанъгэ позеленел. Ему хотелось прирезать этого старика на месте — уж больно подлым тот был. Полагая, что яд в супе, а остальные блюда безопасны, Ли Чанъгэ принялся за еду. Когда он был сыт почти на восемь частей, то сделал вид, что зачерпнул пару ложек супа в пустую миску, а сам подменил его водой из родника в своем пространстве.

Перед возвращением он прихватил пустую миску, нашел уединенное место, зашел в пространство Байцзэ и набрал воды — как раз на такой случай.

Хай Дафу не видел, что происходит, и не заметил подмены, решив, что парень действительно пьет суп. На его безжизненном старческом лице промелькнула холодная усмешка.

Ли Чанъгэ с наслаждением выпил родниковую воду, довольно причмокивая, а затем отложил посуду. Он намеренно заговорил о том, как познакомился с Сяо Сюаньцзы, разумеется, опустив некоторые детали. Иначе завтра, во время поединка, у него не будет достойных приемов, а если Сяо Сюаньцзы станет скучно, то эта важная опора может ускользнуть. Ему

жизненно необходимо было подтолкнуть Хай Дафу к тому, чтобы тот обучил его паре приемов.

— Ты хочешь, чтобы я научил тебя боевым искусствам?

Хай Дафу довольно усмехнулся, решив, что раскусил мысли Ли Чаньгэ. От этого смеха он снова закашлялся.

— Разве не так?

Ли Чаньгэ подумал, что старый евнух слишком самонадеян. Кто тут богомол, а кто иволга — еще вопрос. Но зло всегда возвращается к тому, кто его творит. Раз он так беспринципно с ним обращается, пусть не винит, если однажды получит нож в спину.

— Вовсе нет. У этого Сяо Сюаньцзы просто силы много, но он не умеет драться. Сегодня мы сошлись на равных, я даже оседлал его и нанес несколько ударов. Если бы я не был таким щуплым, он бы точно ходил с синяками. Вот отъемся, поднаберусь сил и обязательно его одолею.

Хай Дафу неопределенно хмыкнул и, взяв тело Ли Чаньгэ для демонстрации, показал пару приемов. Стоило слегка надавить ему на поясницу, как всё тело мгновенно обмякло. Не дав опомниться, Хай Дафу хлопнул его по обеим сторонам шеи. Ли Чаньгэ вскрикнул от боли, дыхание сбилось, и он беспомощно рухнул на пол.

В душе он проклинал старика за жестокость, но, бросив на него полный ненависти взгляд, придерживаясь за мебель и стены, поплелся в заднюю комнату на кровать.

После порции родниковой воды физическая усталость отступила, но моральное истощение никуда не делось. С прошлой ночи его нервы были натянуты как струна: он боялся оступиться и прожить жизнь впустую. Теперь он окончательно убедился, что это реальный мир, а не сон — каждый человек здесь был слишком живым.

Каждое его движение могло изменить ход событий. Он занял место Вэя Сяобао, но боялся менять ключевые моменты сюжета: бабочка, взмахнувшая крыльями, может вызвать бурю в другом конце света. Кто знает, не прихлопнет ли она его самого? У него нет гибкости и смекалки Вэя Сяобао, нет его удачи, позволяющей выходить сухим из воды, нет умения лавировать между силами. Единственное достоинство — самокритичность.

В итоге, достоинств немного, но все они помогают выжить: вторая жизнь, феноменальная память после омовения родниковой водой и знание сюжета. К тому же, пространство Байцзэ с целебной водой — вещь полезная, нужно будет как-нибудь изучить его получше.

Ли Чаньгэ решил, что при первой возможности начнет учиться боевым искусствам, чтобы хоть как-то уметь постоять за себя. Он еще раз прокрутил в голове важные события, стараясь

запомнить их до мельчайших деталей.

Размышляя, он незаметно погрузился в глубокий сон.

Неизвестно, какой прекрасный сон видел Ли Чанъгэ, но его губы, изогнутые в приятной улыбке, слегка подергивались.

Он полулежал на кушетке в белых шелковых одеждах, небрежно обмахиваясь веером, а другой рукой время от времени подносил ко рту прохладный виноград. Рядом на коленях сидела грациозная девушка с точеной фигуркой и нежными руками массировала ему плечи, отчего по телу разливалась приятная истома.

Его длинные, чуть приподнятые у внешних уголков глаза, подернутые туманной дымкой, смотрели на всех с такой нежностью, что Ли Чанъгэ лишь тихо усмехнулся, чувствуя на себе чей-то жгучий взгляд.

Когда девушка снова посмотрела на него, он вдруг поднял голову и встретился с ее живыми, сияющими глазами. Их взгляды столкнулись, и девушка в испуге опустила ресницы, похожие на черные перья, а ее тонкая, белая шея залилась румянцем.

<http://bllate.org/book/19451/1907794>